

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.1.4>

UDC 94(71)“20”:323
LBC 63.3(7Кан)6-3

Submitted: 19.10.2015
Accepted: 01.03.2016

THE CANADIAN THEORIES OF ORIGIN AND EVOLUTION OF CANADA'S POLITICAL CULTURE: CRITICAL ANALYSIS

Ilya A. Sokov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The author of the article analyzes the most famous Canadian theories of origin and evolution of the Canadian political culture (CPC) during the first half of the 20th century. He marks the weak and strong points of these theories, their contradictions and evaluates these theories.

The article also deals with the economic theory of the staples goods of Harold Innis, the theory of the Canadian regional political cultures of G. Horowitz, the theory of wave immigration of Nelson Wiseman.

The general defect of these theories consists in the fact that their authors take into account one and only factor as the basic one for constructing the functional and structural scheme of the ideological and the political development in Canada.

Besides, the last two theories about the Canadian political culture are based on the historical context and at the same time their construction's base is represented by the ideological concepts of the American scientists – “fragments” by Lous Hartz and “forming events” by Seymour Martin Lipset in the communities of the New World.

According to the author, the adoption of these concepts does not only reflect the past historical events but also the current processes in Canada's political culture.

The author concludes that the Canadian political culture is the unique historical phenomenon only for Canada and he also says about that the functional-structural schemes are developed within the individual scientific disciplines. The interdisciplinary approach is necessary for studies of the Canadian political culture, and the development of the original theory is based on the use of the numerous factors of the historical-cultural development of the Canadian society.

Key words: Canada, Canadian political culture, H. Innis, G. Horowitz, N. Wiseman.

УДК 94(71)“20”:323
ББК 63.3(7Кан)6-3

Дата поступления статьи: 19.10.2015
Дата принятия статьи: 01.03.2016

КАНАДСКИЕ ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАНАДЫ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Илья Анатольевич Соков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Автор в статье анализирует наиболее известные канадские теории происхождения и эволюции политической культуры в течение первой половины XX века. Он указывает на сильные и слабые стороны этих теорий, имеющиеся в них противоречия, а также дает этим теориям оценку.

В статье исследуется экономическая теория главных экспортных продуктов (степпл товаров) Гарольда Инниса, теория канадских региональных политических культур Гэда Горовица, теория волновой иммиграции Нельсона Вайсмана.

Общий недостаток этих теорий заключается в принятии их авторами одного фактора как основного для построения функционально-структурной схемы идеологического и политического развития в Канаде.

Кроме того, последние две теории о политической культуре Канады имеют в своем основании исторический контекст, но базой их построения являются идеологические концепты американских ученых – Луиса Харца о «фрагментах» и Сеймура Мартина Липсета о «формирующих событиях» в обществах Нового Света.

По мнению автора статьи, принятие этих концептов не только не способствует отражению более полно прошедших исторических событий, но и происходящих процессов в современной политической культуре Канады.

Ключевые слова: Канада, канадская политическая культура, Г. Иннис, Г. Горовиц, Н. Вайсман.

Исследования Канадской политической культуры (КПК) американскими и канадскими учеными начались на Североамериканском континенте со второй половины XX века. Интерес к этой теме был связан с публикацией в 1963 г. работы американских политологов Габриэля Алмонда и Сиднея Вербы «Гражданская культура: Политические установки и демократия в пяти нациях» [1], где, собственно, и было введено понятие «политическая культура» и дана типология политических культур. Повышенный интерес к изучению канадской политической культуры в это время был связан еще и с тем, что в Канаде в 1960-е гг. либеральная традиция находилась в глубоком кризисе и интеллектуальная элита искала выход из него.

В настоящей статье анализируются наиболее известные политологические теории канадских исследователей о происхождении и развитии политической культуры в Канаде, но ни одна из них системно и комплексно не решает проблему ее генезиса. Г. Иннис, специалист по экономической истории, исследовал экономические факторы, повлиявшие на особенности развития КПК, Г. Горовиц внес понятие «красный торизм» в уже существовавшую американскую социологическую теорию С.М. Липсета, Н. Вайсман посчитал переселенческие факторы (волны иммиграции) преобладающими в развитии КПК. Поэтому вполне понятно, что ни одна из теорий не может отразить все многообразие, уникальность и индивидуальность эволюции канадской политической культуры.

Экономическая теория главных экспортных продуктов (степлз товаров) Гарольда Инниса

В качестве предисловия к анализу теории Г.А. Инниса следует сказать, что канадская политэкономическая традиция существенно отличается от американской. Исторически так сложилось, что исследование политики, экономики и социологии в Канаде попало под объединяющую дисциплинарную рубрику политической экономии.

Подобно фрагментарной теории Л. Харца и теории формирующих событий С.М. Липсета, подход Г. Инниса структурный, и обра-

щен к колониальному наследию и статусу Канады через политэкономические категории.

Г. Иннис считал, что экономическое развитие Канады как последовательный процесс эксплуатации сырьевых природных ресурсов, или «степлз» (staples – основные продукты питания, главный продукт экспорта, главный элемент чего-либо, оптовый рынок), извлеченных из земли или моря, являлось существенным культурным фактором, определяющим не только создание национальных традиций, но и особенности политической культуры. В своих исследованиях он пришел к выводу, что экономическая структура и темпы роста, а также политические процессы в историческом прошлом Канады были продиктованы внешним спросом и контролем со стороны метрополий, сначала Франции, а затем Великобритании. С этой точки зрения Канада была внутривнутриресурсным районом и культурной периферией в отношении столичных экономических систем и культур Европы и США. Деловые круги, да и все население Канады находились в зависимости от производства главных колониальных товаров, которые были востребованы в метрополии, тем самым искусственно регулировалось, а порой и задерживалось экономическое и культурное развитие Канады. Теория экономического роста основных колониальных товаров Гарольда Инниса указывала на связь их добычи и полученного экономического эффекта от их реализации.

Хронологически главные экспортные товары менялись, менялось их месторасположение, а регионы при утрате (или получении) главных колониальных товаров получали отрицательные экономические и культурные изменения: районы либо бурно развивались, либо становились депрессивными. Политическое влияние этих районов на федеральном уровне также заметно менялось.

Основная критика теории Г. Инниса заключается в том, что канадский исследователь, правильно подметив влияние структурных экономических изменений на эволюцию канадской культуры, придал им определяющее значение. По его мнению, экономические требования изменяли канадские политические институты и были фактором изменения политической культуры. В некоторых случаях это действительно было так, но не всегда. Напри-

мер, внешний фактор – Американская революция – действительно повлиял на введение новых институтов в Квебеке, но она никак не была связана с какими-либо существенными структурными экономическими изменениями.

Нельзя также согласиться с утверждением о том, что смена главных экспортных продуктов в значительной степени влияла на политическую практику сначала колоний, затем доминиона. Во-первых, смена основных экспортных товаров происходила не одномоментно, а в течение длительного времени, растягиваясь на десятилетия. Во-вторых, изменения политической практики были и при одних и тех же основных экспортных товарах. В-третьих, смена ряда основных экспортных товаров была подвержена многочисленным факторам не экономического порядка: интенсивности иммиграции, смене направления расселения иммигрантов и переселению канадцев в другие провинции, интенсивности создания инфраструктуры поселений и коммуникаций между ними, направлению промышленного прогресса, условиям для внедрения промышленных новшеств и т. д.

Как справедливо писал Д. Макнелли: «Приписывая особую роль в историческом процессе основным экспортным товарам, теория Инниса игнорировала роль общественных отношений в производстве и формировании и репродуцировании общества» [6, p. 120].

Теория канадских региональных политических культур Гэда Горовица

Теория Горовица о возникновении региональных политических культур утверждает, что установление в Канаде консервативной, а не либеральной (Клиэр Гритс) властвующей элиты в середине XIX в. было связано с крепкими региональными торийскими позициями в Квебеке и Восточном Онтарио, которые позволили консерваторам удержать власть до конца века (1896 г.). По мнению Г. Горовица, коллективистская идеология «красного торизма» вполне сочеталась с коллективистским феодальным франкоканадским фрагментом, и поэтому в середине XIX в. появилась возможность сотрудничества франко- и англоканадских элит как в создании консервативной идеологии в форме общеканадского национализ-

ма, так и в создании консервативной политической партии на двунациональной основе.

В дальнейшем, как считает Г. Горовиц, идеология «красного торизма» проникла в западные провинции, сначала в Британскую Колумбию, затем Манитобу, Альберту и Саскачеван. Там эта идеология, по образному выражению Кеннета Макрэ, была «великодушно опрыснута британскими иммигрантами, уже знакомыми с фабианским социализмом» [7, p. 269]. Это взаимное сочетание идеологий способствовало тому, что в Саскачеване рабочее протестное движение было создано в форме Федерации Кооперативного Содружества (ФКС или англ. CCF). По мнению Г. Горовица, ФКС была аграрной социалистической партией.

Г. Горовиц делает вывод, что канадская консервативная идеология, в основе которой заложен «красный торизм», существенно отличается от британской, имеет направленность на сотрудничество с либеральной и социал-демократической идеологиями и фактически не имеет с ними непреодолимых различий, «готова использовать власть государства с целью развития и управления экономикой» [5, p. 151].

Другой важный вывод Г. Горовица состоит в том, что «поздние волны иммиграции, прибывшие в период замораживания (congealment) политической культуры, должны были активно участвовать в процессе формирования культуры» [5, p. 154]. И, обращаясь к Л. Харцу, Г. Горовиц написал в своей статье: «Если бы миллион иммигрантов (имея в виду период 1814–1851 гг. – *И. С.*) прибыли из Соединенных Штатов, а не из Великобритании, разве английская Канада “значительно” не отличалась бы от сегодняшней?» [5, p. 154].

Слабость теории Гэда Горовица проистекает из того, что она базируется на двух основаниях: принятые им переселенческие фрагменты Л. Харца; заимствованный им метод С.М. Липсета в определении канадской региональной политической культуры.

Первое основание не позволяет Г. Горовицу принять во внимание особое развитие франко- и англоканадских обществ в новых североамериканских условиях и их взаимное воздействие друг на друга. По мнению канад-

ского исследователя Хью Дональда Форбса, «ахиллесова пята» теории Горовица – фрагменты Л. Харца: «Если фрагменты, как предполагается, замораживаются после колонизации, то Квебек никогда не должен был иметь восстание Патриотов, Тихую революцию и развитие государства всеобщего благосостояния» [2, р. 288]. Второе – заставляет искать не историческое, а функционально-структурное объяснение появлению и успешному формированию аграрного социализма в западных провинциях Канады.

Особо необходимо отметить принятие Горовицем антиисторического понятия – «точка заморозки» (point of congealment) политической культуры: «Если более поздние волны иммиграции прибыли перед точкой заморозки политической культуры, они, должно быть, участвовали активно в процессе формирования культуры» [4, р.178]. Суть такого подхода заключается в том, что вновь прибывающие иммигранты после точки заморозки никак не воздействуют на имеющуюся политическую культуру, а только ассимилируются с ней.

Шаткость такой позиции понимает и сам Г. Горовиц: «Трудность в применении харцянского подхода к английской Канаде состоит в том, что, хотя точка отправления разумно ясна, трудно указать на точку заморозки. Возможно, это был лоялистский период; возможно, это было ближе к середине столетия; есть основания для того, чтобы утверждать, что это было в более недавнем прошлом. Но важный момент – это: независимо от того, где точка замораживания расположена во времени, полоса тори присутствует перед замораживанием политической культуры, и это достаточно важно, чтобы указать на существенные “несовершенства”, или нелиберальные, неамериканские признаки англоканадского общества. Мое собственное мнение такое, что момент заморозки наступал позже, чем прибыли лоялисты...» [4, р. 179].

Принятие этих исходных данных для своей теории заставляет Г. Горовица искать источник канадского социализма до «точки заморозки» политической культуры, а учитывая, что до нее было две идеологии: вигизм и торизм, то логически, по мнению Г. Горовица, предпочтительнее выглядит торизм. Эти рассуждения приводят его к понятию «красный

торизм» как канадского источника аграрного социализма. Г. Горовиц писал: «Так как торизм – значительная часть <канадской> политической культуры, по крайней мере, часть левой реакции против него будет рано или поздно выражена в его собственных терминах, то есть, с точки зрения интересов класса и пользы сообщества как корпоративное юридическое лицо (социализм), а не с точки зрения человека и его превратностей в конкурентоспособном преследовании счастья (либерализм)» [5, р. 155]. Другими словами, по мнению Г. Горовица, в канадском торизме генетически присутствовали ростки социализма, и поэтому, когда созрели условия его появления, то он не был отброшен, как в США, а прижился в идеологии протестных движений западных провинций и встроился в национальную политическую культуру на региональном уровне. Но разве торизм и социализм могут иметь генетическое родство, если первый – социальной базой которого являются власть имущие, стремится сохранить сословность и привилегии как общественно значимые понятия для сохранения прошлого общественного устройства, а второй, базой которого являются неимущие или малоимущие, стремится уничтожить эти сословность и привилегии, обобществив производство не только материальных, но и культурных благ.

Вызывает также сомнение утверждение Г. Горовица о коллективистском мягком канадском торизме второй половины XIX в., создавшем предпосылки для канадского аграрного социализма в западных провинциях в первой половине XX века. Исторические факты говорят об обратном. Во-первых, во второй половине XIX в. при консерваторах в Канаде значительно возрос элитизм, который препятствовал проникновению, созданию и закреплению на канадской политической почве различных социальных движений: британского фабианства, американского социального евангелия, профессиональных рабочих союзов и католических цеховых союзов. Во-вторых, при консерваторах произошли два восстания метисов, которые были жестоко подавлены совсем не в духе «красного торизма». В-третьих, консерваторами была создана коррупционная властвующая элита, записавшая в свою историю громкий «Тихо-

океанский скандал» по финансированию транснациональных железных дорог. Так что, это большой вопрос, насколько канадский торизм XIX в. был «красным».

Вызывают противоречия сами рассуждения Г. Горовица о характеристике канадского социализма. С одной стороны, он утверждает, что ростки социализма стали возможны благодаря присутствию торизма до точки заморозки, а, с другой, он предполагает, что они были перенесены британскими иммигрантами: «Я утверждал, что социалистические идеи британских иммигрантов в Канаде не были отброшены, потому что они “соответствуют” политической культуре, которая уже содержала нелиберальные компоненты, и вероятно также, потому что они были введены в соединение с политической культурой перед точкой заморозки. Таким образом, социализм не был чуждым здесь. Но он не был чуждым еще по одной причине – его перенесли не иностранцы. Персонал и идеология канадских рабочих и социалистических движений были, прежде всего, британскими. Многие из тех, кто построил эти движения, были британскими иммигрантами с опытом прошлого в британском рабочем движении; многие другие были детьми канадского происхождения таких же иммигрантов. И в Британской Северной Америке британцев нельзя было рассматривать как иностранцев» [4, p. 184].

А как тогда быть с многочисленными европейскими иммигрантами времен К. Сифтона, преимущественно расселившимися в западных провинциях Канады и, по сути, сформировавшими кооперативный аграрный порядок не только в сельскохозяйственном производстве, но и в общественных отношениях? К тому же не стоит забывать о том, что концессионная система поселений Южного Онтарио (Concession system of Southern Ontario), которая узаконила индивидуалистический порядок использования сельскохозяйственной земли, на Западе была заменена секционной системой Прерий (Section system of the Prairies), предполагавшей как коллективную обработку земли, так и более эффективное ее использование фермерскими семьями [8].

Теория Г. Горовица не может объяснить, почему же многие западные социалисты 20-х гг. XX в. после спада рабочего движения всту-

пали не в Консервативную, а в Либеральную партию как федерального, так и провинциального уровня. Она также не может объяснить того, что в федеральном парламенте в те же 1920-е гг. малочисленную фракцию прогрессистов возглавил не «красный тори», а независимый депутат-лейборист Джеймс Шавер Вудсворт. Эта теория не объясняет и другой исторический факт, что во второй половине 1920-х и 1930-х гг. либералы и члены ФКС выставляли единых кандидатов на федеральных выборах в парламент. Теория не объясняет, почему в последующей истории Канады социал-демократическое движение всегда было более оппозиционно к Консервативной партии, чем к Либеральной.

Ограниченность теории Г. Горовица заключается в ее панканадском национализме. Рассматривая национальные политические культуры (англоканадскую и франкоканадскую версии) как гомогенные, имеющие монолитный и чисто национальный характер, теория Г. Горовица не может объяснить, почему англоканадский социализм был самым сильным на Западе, регионе, где никогда не селились лоялисты и консерваторы. Или почему исторически консервативный регион – Атлантические провинции – был наименее восприимчив к социализму.

Другая слабость теории Г. Горовица заключается в том, что как и Л. Харц, и С.М. Липсет, он пытается объяснить происхождение канадского аграрного социализма одним фактором, связью с торизмом, не учитывая влияния других многочисленных факторов. Например, иммигрантов в «овечьих шкурах» К. Сифтона из Восточной Европы, принесших с собой не британское фабианство, а французский и немецкий социализм. Теория также не учитывает религиозный фактор: влияние американского социального евангелия и французский социальный католицизм, которые по-особому формировали общественное мнение в провинциях Канады. Не берется во внимание экономический фактор, который обуславливал существенные противоречия в тарифной политике между центральной промышленной Канадой и аграрными провинциями. Совершенно не учитывается фактор Первой мировой войны и Октябрьской революции в России.

Теория волновой иммиграции Нельсона Вайсмана

Н. Вайсман своей теорией пытается объединить предыдущие теории, соединяя понятие фрагментарности Л. Харца и «формирующие события» С.М. Липсета с исторически сложившимися волнами европейской и иной иммиграции в Канаду. «Иммигранты доказали свое формирующее и продолжающееся влияние в канадской партийной политике, создавая и поддерживая партии, хорошо известные сегодня. Рябь в пределах иммигрантских волн означала, что их идеологические ориентации не были ни монолитными, ни статичными» [9, р. 5]. Политолог считает, что канадская культура состоит из мозаики иммигрантских культур, которые соединились с культурой более старых обществ. Кроме того, в локальных иммигрантских поселениях всегда формировались определенные культуры с региональными особенностями. Если «формирующие события» были важны для формирования политической культуры, то потоки иммигрантов, распределившиеся по всей территории Канады, должны были способствовать появлению определенных различий в региональных политических культурах, так как несли в себе отличные от канадских политические и культурные ценности и традиции.

Н. Вайсман различает пять основных иммигрантских волн, которые оказали такое же влияние на канадскую политическую культуру, как и формирующие события.

В оппонирование Н. Вайсману можно сказать следующее. Можно отчасти согласиться с мыслью Н. Вайсмана о том, что «после завоевания 1760 г. Новая Франция идеализировала прошлое – моральное совершенство и превосходство своей веры и сельского образа жизни, которые продолжали провозглашаться» [9, р. 9], но последующий вывод о том, что это затормозило развитие Квебека до 1960-х, не совсем исторически точен и оправдан. Вряд ли с такой прямолинейной и упрощенной оценкой можно согласиться. История Канады свидетельствует о другом. На протяжении почти всего XIX и первой половины XX в. франкоквебекцы активно участвовали в либеральных движениях за реформы. Достаточно вспомнить восстание за либераль-

ные реформы 1837 г. в Нижней Канаде. Именно там на выборах в ассамблею 1827 г. выступала сформировавшаяся Партия патриотов во главе с Л.-Ж. Папино, которая опиралась на идейное наследие Французской революции XVIII в. и британский либерализм. Франкоканадцы активно участвовали в совместных с англоканадцами, по сути, либеральных правительствах середины века – правительства Болдуина – Лафонтена, Картье – Макдональда и др. Они активно участвовали наравне с англоканадцами в создании канадской государственности и в создании канадской партийной системы и, что самое удивительное и противоречащее взглядам американских и некоторых канадских социологов, поддерживали в большей степени либеральных лидеров и Либеральную партию Канады. Они способствовали основанию политической традиции чередования в либеральной партии на федеральном уровне англоканадских и франкоканадских лидеров.

Другое дело, что политическое развитие Квебека искусственно задерживалось: великодержавный англоканадский национализм сначала безуспешно пытался ассимилировать франкоканадское население, всячески ограничить его культурное и экономическое развитие, затем заставлял исполнять военную повинность по защите чужих территорий в Европе, пытался ограничить влияние франкоканадской культуры в период формирования общенациональной культуры в первой половине XX века. Именно эти в большинстве своем культурные основания стали причиной «Тихой революции», хотя присутствовали также идеологические, экономические и другие причины.

Понятно и то, что франкоквебекская культура могла остаться и выстоять, только дистанцировавшись от англоканадской культуры, ее гражданских и политических традиций, но приняв как вынужденное обязательство поддержку британским институтам власти. В то же время, не нужно забывать, что такая позиция позволила Квебеку получить определенные привилегии в институциональных законах (Акт 1774 г., Акт 1791 г., Акт 1840 г. и Акт 1867 г. с его последующими изменениями). В итоге, к концу XX в. франкоканадское общество имеет все признаки нации, не тре-

бующие подтверждения идентичности, что признано на федеральном уровне, а англоканадское мозаичное мультикультурное сообщество продолжает искать свою идентичность.

Стараясь увязать исторические факты с фрагментарной теорией Л. Харца, Н. Вайсман делает неверный вывод о консервации идеологии и политической культуры в Квебеке до середины XX в., но, если следовать опять-таки фактам истории, то франкоканадское сообщество никогда не стремилось к своей изоляции от культурной и политической жизни страны, другое дело, что культурное участие (в том числе использование французского языка) и политическое участие на федеральной арене в отдельные исторические периоды было ограничено.

Что касается второй (лоялистской) волны, то здесь критика теории Н. Вайсмана заключается в том, что им, как и С.М. Липсетом, и Г. Горовицем, преувеличено влияние лоялистов на формирование КПК в первой трети XIX века. Событийная летопись исторических персонажей, участвующих в конфликте между «Компактной семьей» и движением Реформ как в Верхней, так и Нижней Канаде, не подтверждает какого-либо значительного влияния перемещенных лоялистов из США: в конфликте в преимущественном большинстве участвовали британская административно-клерикальная элита, с одной стороны, и вновь нарождающаяся элита британских иммигрантских профессионалов в Верхней Канаде (в Нижней Канаде – франкоканадских профессионалов), с другой стороны.

Вообще вызывает удивление несоответствие в упорядочении фрагментов, формирующих события и иммигрантских волн в политологических теориях, в то время как каждая из последующих теорий обосновывает свое с ними идеологическое родство. Если у Л. Харца появление англоканадского фрагмента датируется 1760 г., то формирующее событие, связанное с англоканадским фрагментом, только 1776 г., вторая волна Н. Вайсмана с послереволюционным периодом – примерно до 1785 года.

В отношении того, что лоялисты с собой «принесли английскую экономику и политическую элиту» [10, р. 33], можно согласиться только в части поселений в канадской части быв-

шей Академии, но не в Онтарио, где даже при небольшой ее численности англофонов на тот период, там была собственная политическая элита, а экономика не на много отличалась от американской.

Третью иммигрантскую волну Н. Вайсман определяет периодом чуть больше века после заселения лоялистов и переносом британского классического либерализма иммигрантами на канадскую почву до конца XIX века. По его мнению, перенесенная идеология американских лоялистов способствовала либерально-реформистскому бунту 1837 г. в Верхней Канаде и последующему смещению авторитарного политического порядка «Компактной семьи». С таким взглядом можно согласиться отчасти. Необходимо помнить, что, во-первых, первыми осуществили реформаторское выступление не англоканадцы, а патриоты Папино из Нижней Канады, четко сформулировав свои цели о необходимой реформе в противовес вялым требованиям движения Реформ из Верхней Канады. К тому же, организационно англоканадские реформаторы не были готовы проводить восстание. Во-вторых, они оказали реальное сопротивление по сравнению с восставшими Верхней Канады, которые, не успев собраться, просто разбежались. В-третьих, своим выступлением франкоканадцы в большей степени обеспокоили британское правительство и стали главной причиной и условием объединения Верхней и Нижней Канады по Акту 1840 года. В-четвертых, своим выступлением франкоканадцы в дальнейшем дали толчок к институциональным изменениям – введению института ответственного правительства (1848 г.), а также своим участием активно поддержали эту реформу.

Утверждение Н. Вайсмана, что лоялистская волна стала основой для создания Консервативной партии, а ранняя современная британская волна – для Либеральной, слишком прямолинейно и не отвечает историческим событиям, на которые он сам и ссылается далее.

Нельзя согласиться с утверждением Вайсмана о том, что политическое развитие в Квебеке было совершенно неразвито и не оказало значительное влияние на эволюцию КПК: «Были либеральные полосы в квебекской по-

литической культуре – восстание 1837 г. и молодые интеллектуалы из *института канадиенов* (Institut Canadien) – но они были бледными. Лидер восстания патриотов Луи-Жозеф Папино был всегда темпераментным консерватором и лояльным сыном церкви. Он попробовал, но потерпел неудачу, чтобы примирить современную либеральную мысль с настойчивостью католицизма в превосходстве религиозности над гражданским обществом» [9, р. 9].

Политические действия франкоканадских патриотов решительно были направлены на совместное с англоканадскими реформаторами преобразование канадского общества. Политическое консервативное движение в Квебеке было настолько мощным, что именно оно послужило предпосылкой объединения провинций в 1840 г., создания ответственного правительства в 1848 г. и создания «двухглавых» правительств до 1856 года. Нам представляется, что все эти противоречия возникают от того, что Н. Вайсман не может отречься от «замороженного франкоканадского фрагмента» Л. Харца как несостоятельного объяснения для КПК XIX века.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что все вышеприведенные теории предполагают базис своих построений эволюции КПК в XIX в. на лоялистском исходе из США в конце XVIII века. Это гипертрофированное представление о значимости американских лоялистов еще как-то можно понять в американских политологических теориях, стремящихся обосновать свою американскую исключительность, но для канадских политологов следовать за американцами, вопреки фактам истории, неразумно.

А событийная история говорит нам о том, что американское лоялистское влияние не было определяющим для КПК, если не сказать минимальным. Та небольшая часть «объединенных лоялистов империи» из числа бывших американских администраторов и профессионалов (врачей, юристов, адвокатов и т. д.), вошедших в круг «Компактной семьи», потеряли свое политическое влияние вместе с ликвидацией самой семьи по Акту 1840 г. и введением «ответственного правительства» в 1848 году.

Довольно спорным является утверждение, что иммигранты 1860–1890-х гг. не ока-

зали значительного влияния на КПК. С образованием провинции Манитоба в 1870 г. огромные по канадским меркам массы людей, в том числе и иммигрантов, приступили к освоению этой провинции. Не случайно сначала в Манитобе, в колонии Ред Ривер, в 1870 г., а затем в Северо-западных территориях в 1885 г. происходят два кровопролитных восстания метисов, суть которых заключалась в препятствии освоению новых земель доминионом Канады.

Ясно, что новые условия, сложившиеся в XIX в., порождали и новые тенденции, основными из которых следует считать:

– рост численности иммигрантского населения в разы. Эти иммигранты, безусловно, несли с собой новую европейскую идеологию и политическую культуру;

– объединение Верхней и Нижней провинций в одну, создание объединенного парламента и «двуглавых правительств» способствовало формированию новой дуальной политической культуры;

– создание политических партий, а затем политической системы на бикультурной основе, определение «Национальной политики» как общенациональной способствовало дальнейшему формированию КПК;

– и, безусловно, основным фактором изменения КПК следует считать создание канадской государственности, заложившей институциональную основу для бикультурной политической культуры.

Следует заметить, что Н. Вайсман при характеристике четвертой волны совершенно не комментирует соотношение взглядов Г. Горовица и С.М. Липсета на историю формирования западных провинций и региональных политических культур, видимо, потому, что очень сложно увидеть какое-либо влияние теорий «красного торизма» и «формирующих событий» для них.

Вопрос подавляющего влияния переселившихся американцев на региональную политическую культуру вызывает сомнения, хотя бы потому, что, несмотря на их инициативу по созданию фермерских трудовых, корпоративных и политических союзов и участие в них, в их задачу не входил выход на федеральную политическую арену, чтобы добиваться политической власти. Поэтому их влияние было

внутрипровинциальным и недостаточным, чтобы в условиях канадского федерализма решать вопросы о протекционизме со стороны государства (тарифов на перевозки, тарифов на сельскохозяйственную продукцию, сельскохозяйственные кредиты и т. д.).

В то же время занижается оценка влияния иммигрантов из Восточной Европы, которые в условиях другой, англосаксонской культуры, языковой адаптации, составили свои этнические сообщества, где поддерживали свой язык, свою культуру и традиции. Именно благодаря им впоследствии пришло понимание о культурной мозаике Канады.

Впрочем, косвенно к такой же оценке приходит и Н. Вайсман: «Относительный статус этнических меньшинств был выражен в избирательном законе Манитобы на рубеже веков. Он потребовал как условие на право голосования грамотность на одном из семи языков: английском, французском, немецком, исландском, шведском, норвежском или датском языке. Украинцы были особенно многочисленной группой – к 1941 г. они составляли больше чем 12 % от численности провинции» [9, р. 21].

Более того, в выступлениях рабочего класса за свои права, как во время Виннипегской забастовки в 1919 г., так и в походе на Оттаву, в 1935 г. чего было больше: идеологии «красного торизма» или социальной борьбы угнетенного класса?

Основная критика периода четвертой волны Н. Вайсмана состоит в его нечетких интерпретациях предшествующих теорий и определении своего взгляда на формирование отдельно взятой региональной политической культуры Канады, а также лидирующей региональной идеологии. К тому же, увлекшись полуволнами, канадский политолог совершенно забыл о магистральном развитии КПК, какая она эта политическая культура в первой половине XX века. Как она способствовала формированию канадской либеральной традиции и формированию канадской нации? Какова была федеральная политическая практика в этот период, и что было в ней нового в сравнении с политикой прошлого века? Как КПК способствовала реализации амбициозных планов по суверенизации страны, увеличению ее влияния на международной арене, коренному улучшению жизни канадского народа?

Что бы ни говорил Вайсман о «полуволнах» и «ряби» в иммигрантских волнах, КПК в этот период определялась задачами модернизации канадского общества и идеологией социального реформирования.

Пятая иммигрантская волна состояла из иммигрантов стран Южной Европы, Азии, Карибского бассейна и Латинской Америки, хотя были иммигранты из континентальной Европы и британского соответствия. Идеология и социальное положение этих иммигрантов было очень разнообразным. Они селились в столице или в мегаполисах, работали в основном в секторе услуг, английский или французский язык знали еще до прибытия в Канаду и стремились быстрее принять канадские ценности. Прожив несколько лет, они в переписи или опросах отмечали себя как канадцы. Н. Вайсман считает, что эту пятую волну условно можно разделить на две полуволны: прибывших из стран франкофонии и селившихся во франкоканадской среде и прибывших из англоязычных стран – эти иммигранты селились в англоязычной среде. Он также разделяет иммигрантов по возможности адаптации на две группы: южные европейцы – итальянцы, греки и португальцы – прибыли несколько раньше и быстрее адаптировались, чем азиаты и иммигранты с Кариб и Латинской Америки.

Пятая волна, являясь, по Н. Вайсману, идеологически разноцветной по своей окраске и составу, не создала новых политических партий, а предпочла пополнить имеющиеся политические партии и движения.

Здесь тоже есть, что возразить Н. Вайсману. Пятая волна иммиграции оказала заметное влияние на изменение политической культуры Канады. Эта волна иммиграции позволила говорить о мультикультурализме в Канаде, как основном направлении в формировании национальной культуры. Эти культурные предпочтения оказывают значительное влияние на политический процесс в Канаде и сегодня. Национальные меньшинства стали делиться на видимые и невидимые группы. Они, активно лоббируя свои интересы и без создания политических партий, стали значительной общественной силой, с которой приходится считаться.

Завершая свой обзор по иммигрантским волнам Н. Вайсмана, следует сказать, что его

теория не отвечает на главный вопрос характеристики КПК: после Второй мировой войны, когда пришла так называемая глобальная волна, что стало с канадской нацией? Она консолидировалась, обрела устойчивую идентичность или, наоборот, фрагментировалась в еще большую мозаичность? Насколько устойчивыми стали идеологические установки основных политических партий – Либеральной, Консервативной и НДП? Не станет ли КПК в условиях мультикультурности и пассивности электората отражать в основном только франкоканадские и англоканадские идеологические проблемы или, наоборот, перестанет отражать какую-либо из этих идеологий?

Кроме того, названные Н. Вайсманом тенденции, пришедшие с глобальной волной, на самом деле были заложены в третьей и четвертой волнах. Это касается национализма, ксенофобии и нативизма к иммигрантам не «англосаксонского соответствия», иммигранты невидимых меньшинств, защищая свой образ жизни и культуру, стали селиться компактно, образуя анклав инородной культуры в общей мультикультурной среде.

Понятно, что каждая волна в теории Н. Вайсмана вносила определенные новые тенденции в КПК, но значимость каждой волны в общей численности населения с течением времени становилась все меньше и меньше, а на изменения в КПК влияли совершенно другие факторы – факторы социального и политического развития канадской нации в целом. Тогда встает вопрос: какие это были факторы? Н. Вайсман не берется их характеризовать или интерпретировать. Частичную интерпретацию только по развитию социал-демократического движения он вместе с молодым исследователем из Британской Колумбии Бенджамином Изиттом дал в статье «Социал-демократия в Канаде XX века: интерпретирующая структура» [11, р. 568], поделив на четыре периода эволюцию канадского социал-демократического движения.

Нет ответов и на другие вопросы. Например, почему сто лет усилий по реформированию верхней палаты парламента – Сената – не дают никаких результатов? Или почему в суверенном государстве Канада глава государства из другой страны? Почему в христианской стране, имеющей христиан-орто-

доксов, резко заявили о себе меньшинства нетрадиционной ориентации, и общество в целом принимает эти культурные изменения? Все это и другое влияет на КПК. Нет также ответа и на вопрос: каковы перспективы развития канадской политической культуры в будущем?

Заканчивая критический анализ теорий о происхождении и развитии канадской политической культуры, можно сделать, по крайней мере, два вывода: КПК является уникальным историческим явлением и с большим трудом укладывается в функционально-структурные схемы, разработанные в рамках отдельных научных дисциплин, и они не могут охватить индивидуальный характер политической истории Канады. Поэтому есть необходимость в междисциплинарном подходе к исследованиям КПК и разработке оригинальной теории, основанной на использовании многочисленных факторов историко-культурного развития канадского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Almond, G. A. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations* / G. A. Almond, S. Verba. – SAGE Publications, Inc, 1989. – 392 p.
2. Forbes, H. D. *Hartz-Horowitz at Twenty. Nationalism, Toryism and Socialism in Canada and the United States* / H. D. Forbes // *Canadian Journal of Political Science*. – 1987. – Vol. 20, № 2. – P. 287–315.
3. Hartz, L. *The Liberal Tradition in America: An Interpretation of American Political Thought since the Revolution* / L. Hartz. – Harcourt : Brace, Jovanovich, 1955. – 352 p.
4. Horowitz, G. *Canadian labour in politics* / G. Horowitz. – University of Toronto Press, 1968. – 273 p.
5. Horowitz, G. *Conservatism, Liberalism and Socialism in Canada: An Interpretation* / G. Horowitz // *Canadian Journal of Political Science*. – 1966. – Vol. 32, № 1. – P. 143–171.
6. McNally, D. *Staple Theory as Commodity Fetishism: Marx, Innis and Canadian Political Economy* / D. McNally // *Studies in Political Economy*. – 1981. – № 6, Autumn. – P. 113–133.
7. Mcrae, K. D. *The Structure of Canadian History* / K. D. Mcrae // L. Hartz. *The Founding of New Societies: Studies in the History of the States, Latin America, South Africa, Canada and Australia*. – N. Y. : Harcourt, Brace and World, 1964. – 336 p.
8. *Rural Settlement Patterns*. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.dpcdsb.org/NR/>

rdonlyres/551260E8-E190-4A4F-98B8-6868C6303580/118454/1settlement_patterns.pdf (date of access: 14.03.2015). – Title from screen.

9. Wiseman, N. Five Immigrant Waves: Their Ideological Orientations and Partisan Reverberations / N. Wiseman // *Canadian Ethnic Studies*. – 2007. – Vol. 39, № 1–2. – P. 5–30.

10. Wiseman, N. In Search of Canadian Political Culture / N. Wiseman. – Vancouver : University of British Columbia, 2007. – 346 p.

11. Wiseman, N. Social Democracy in Twentieth Century Canada: An Interpretive Framework / N. Wiseman, B. Isitt // *Canadian Journal of Political Science*. – 2007. – Vol. 40, September (№ 3). – P. 567–589.

REFERENCES

1. Almond G.A., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. SAGE Publications, Inc, 1989. 392 p.

2. Forbes H.D. Hartz-Horowitz at Twenty. Nationalism, Toryism and Socialism in Canada and the United States. *Canadian Journal of Political Science*, 1987, vol. 20, no. 2, pp. 287-315.

3. Hartz L. *The Liberal Tradition in America: An Interpretation of American Political Thought since the Revolution*. Harcourt, Brace, Jovanovich, 1955. 352 p.

4. Horowitz G. *Canadian labour in politics*. University of Toronto Press, 1968. 273 p.

5. Horowitz G. Conservatism, Liberalism and Socialism in Canada: An Interpretation. *Canadian Journal of Political Science*, 1966, vol. 32, no. 1, pp. 143-171.

6. McNally D. Staple Theory as Commodity Fetishism: Marx, Innis and Canadian Political Economy. *Studies in Political Economy*, 1981, no. 6, pp. 113-133.

7. Mcrae K.D. The Structure of Canadian History. Hartz L., ed. *The Founding of New Societies: Studies in the History of the States, Latin America, South Africa, Canada and Australia*. New York, Harcourt, Brace and World, 1964. 336 p.

8. *Rural Settlement Patterns*. Available at: http://www.dpcdsb.org/NR/rdonlyres/551260E8-E190-4A4F-98B8-6868C6303580/118454/1settlement_patterns.pdf. (accessed March 14, 2015).

9. Wiseman N. Five Immigrant Waves: Their Ideological Orientations and Partisan Reverberations. *Canadian Ethnic Studies*, 2007, vol. 39, no. 1-2, pp. 5-30.

10. Wiseman N. *In Search of Canadian Political Culture*. Vancouver, University of British Columbia, 2007. 346 p.

11. Wiseman N., Isitt B. Social Democracy in Twentieth Century Canada: An Interpretive Framework. *Canadian Journal of Political Science*, 2007, vol. 40, no. 3, pp. 567-589.

Information about the Author

Цуа А. Соков, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of International Relations, Political Science and Area Studies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, sokov@volsu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7146-7340>.

Информация об авторе

Илья Анатольевич Соков, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, sokov@volsu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7146-7340>.